

симбиоза церкви и государства обожествлялась не только императорская власть, но и распоряжения конкретных императоров рассматривались как божественные. Соответственно императорские пожалования, содержащие передачу частному лицу или монастырю прав собственности, трактовались как божественные и святые законы¹⁸. Если Фома Аквинский считал, что собственность — это результат права народов¹⁹, то византийское правосознание воспринимало ее как божественный институт, связанный с деятельностью обожествляемой власти императора. Подобная трактовка также возвращает нас к идее инструменталистской функции категорий богословия, роли наименований, креативной функции языка, к концепциям целостного восприятия жизни. Жизнь оправдывается не в силу тех или иных деяний людей, а благодаря приобщению к божественному дару.

Генетически рассмотренные выше проявления византийского правосознания восходят к концепции христианства об идеальном прообразе в Логосе мира вещей и явлений, к иерархической идее Псевдо-Дионисия Ареопагита, к теории Григория Нисского об именах и понятиях, свойственных естественным языкам. Согласно этой теории, имена предполагают “умысел, предумышление”, связанные с разумной частью души, произошедшей от бога и взирающей на мир. При создании наименования происходит целесообразное действие, учитывающее общую идею имен²⁰. Хотя эти идеи в конечном счете имеют своим источником концепции Платона о мире идей как неизменных сущностях и изменчивом мире вещей, они, а также их рассмотренный выше инструменталистский характер обнаруживают то важнейшее отличие восточного богословия от западного, о котором писал еще В. Н. Лосский. А именно, если, согласно Августину и Фоме Аквинскому, высшие идеи, данные в Логосе, отражают божественную сущность, к которой тварные вещи стремятся как к образцу, то согласно восточным авторам, идеи отождествляются с волей, сопряженной с энергией, соответственно допускающей различные способы, “по которым тварное причащается творческим энергиям”²¹. В рамках этой динамической концепции, как известно, большее, чем на Западе, значение придавалось свободе воли человека. Соответственно и осуществлялось создание правопорядка путем присвоения выше охарактеризованным явлениям повседневности наименований, одно из значений которых было богословской категорией.

При изучении византизма “оправдание жизни” мне представляется целесообразным выбрать аспект и методике, не использованные в византиноведении. Я пытаюсь рассмотреть произведения как тексты, обладающие определенной формальной структурой. Иными словами, я делаю акцент не на интерпретации как единственном способе постижения смысла, точнее, не столько на интерпретации, сколько на анализе структуры рассуждения, особенностей аргументации.

Внимание к структуре рассуждения, аргументации, ее не только содержательным, но и формальным проявлениям, естественно, вовсе не означает пренебрежение смысловой, содержательной интерпретацией. Это невозможно, поскольку установление смысла — цель всякого гуманитарного анализа и явля-

¹⁸ Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии... С. 22.

¹⁹ Курявцев О.Ф. Схоласты о собственности // СВ. 1990. Т. 53. С. 159.

²⁰ Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. Париж, 1931. Репр. М., 1992. С. 141.

²¹ Лосский В.Н. Очерк ... С. 72, 73.

Л.РР